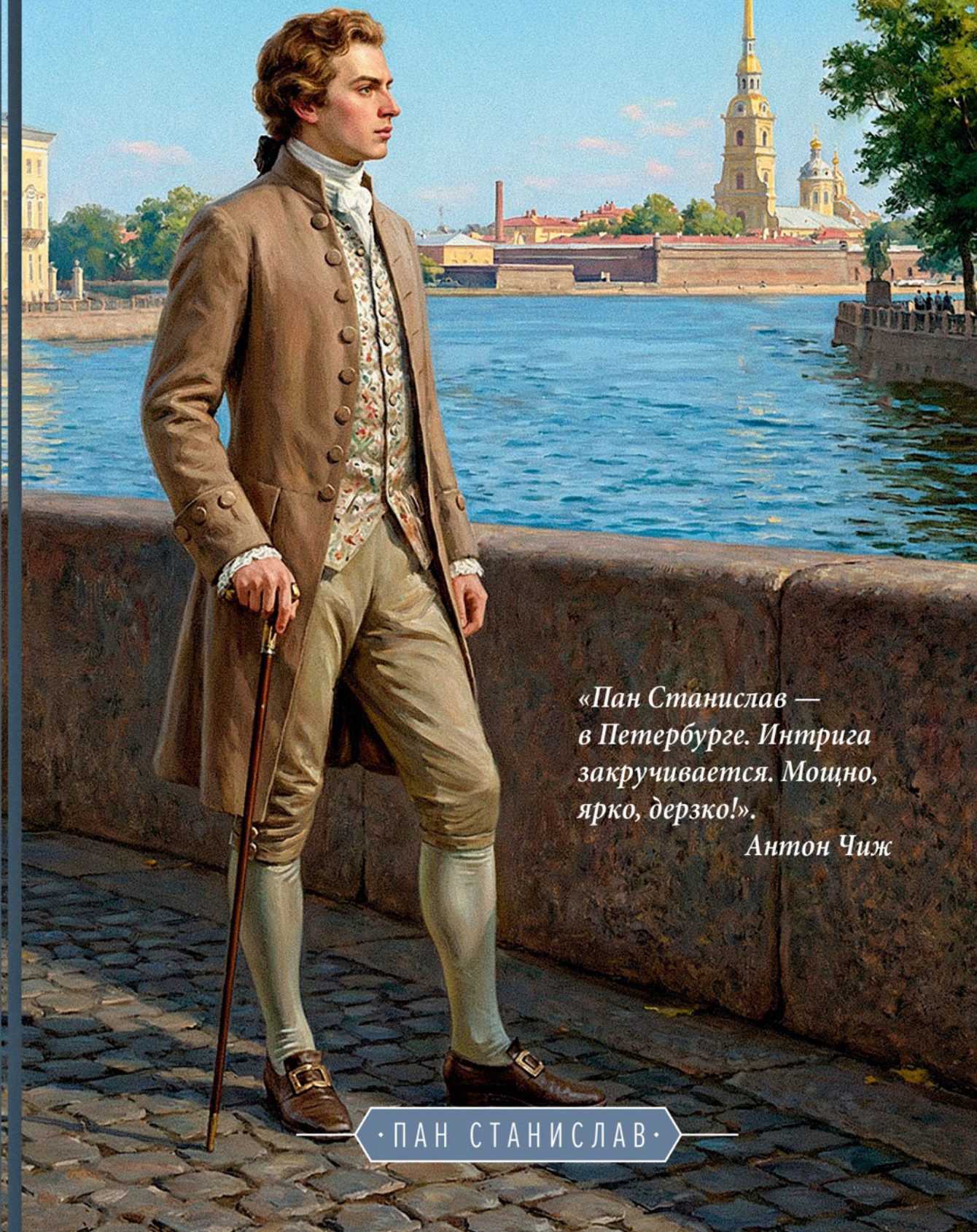

М·А·К·С·И·М М·А·Ц·Е·Л·Ь

УЗНИК

*«Пан Станислав —
в Петербурге. Интрига
закручивается. Мощно,
ярко, дерзко!».*

Антон Чиж

· ПАН СТАНИСЛАВ ·

Детектив в лабиринтах истории

Максим Мацель

Пан Станислав. Узник

«Азбука»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Мацель М.

Пан Станислав. Узник / М. Мацель — «Азбука»,
2026 — (Детектив в лабиринтах истории)

ISBN 978-5-389-32851-8

«Узник» – захватывающий исторический роман о приключениях молодого улана Станислава Булата, о непростом времени, о людях, готовых рисковать жизнью, отстаивая свою честь, а еще о любви – опасной, роковой. Конец XVIII века, Российская империя. Молодой улан Станислав Булат уже два года живет в Москве и работает на Тайную экспедицию. Его вызывают в Санкт-Петербург для участия в дознании по делу пленника, заточенного в Петропавловской крепости, имя которого держат в секрете. В столице, столкнувшись с чередой жестоких смертей, Булат понимает, что сам находится на крючке наемного убийцы, который искусно замечает свои следы. Пытаясь вычислить заказчика преступлений, пан Станислав попадает в водоворот дворцовых интриг, где каждый неверный шаг грозит ему тюрьмой, а любовь очаровательной авантюристки – гибелью.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-32851-8

© Мацель М., 2026

© Азбука, 2026

Содержание

Пролог	10
Глава I	12
1	12
2	14
3	17
4	20
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Максим Мацель

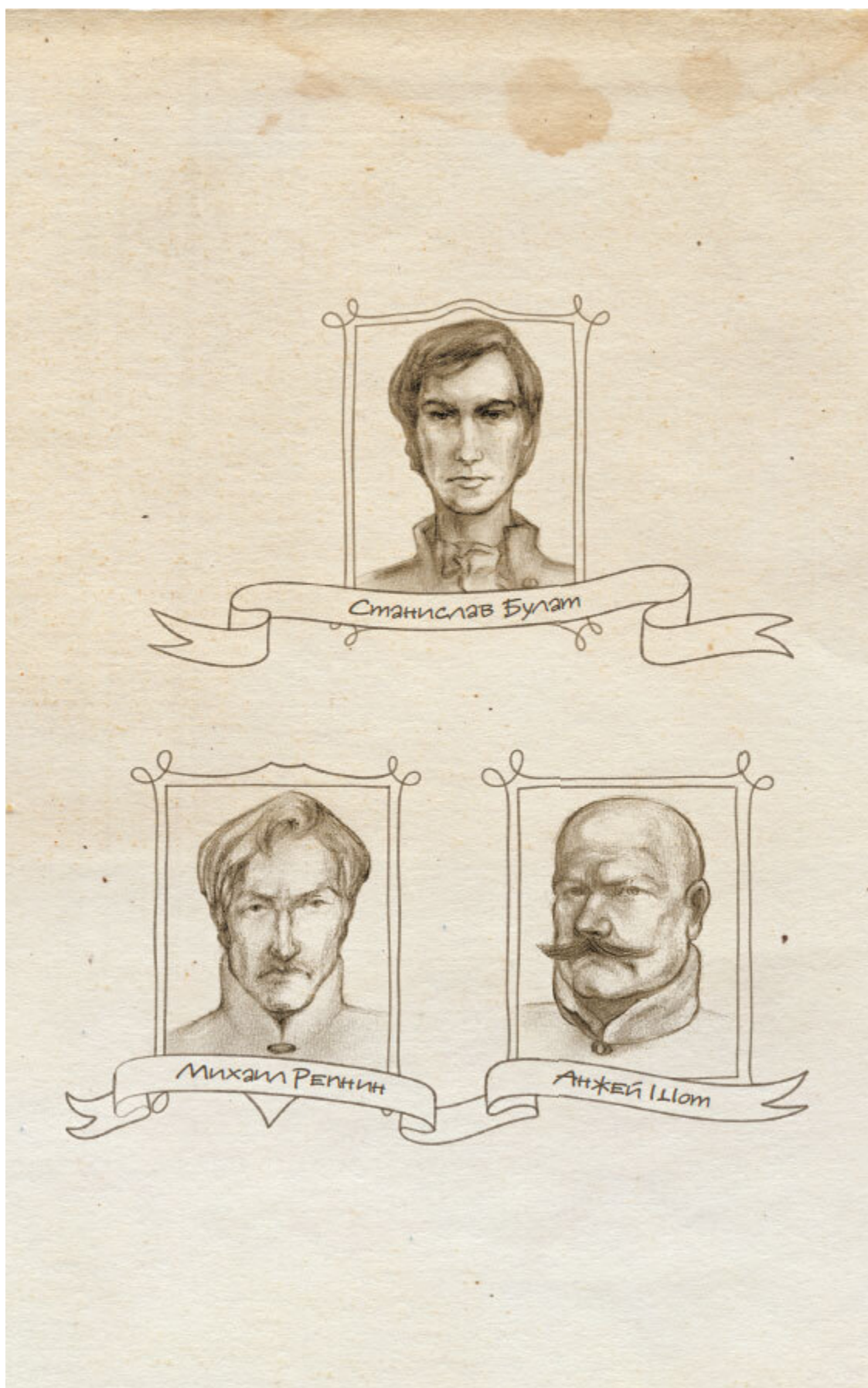
Узник

Тысячи людей проживают жизнь, пользуясь уважением, только потому, что никогда не были поставлены на край пропасти

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут¹.
Отдохнем, товарищи, в тюрьме².*

Оформление обложки:

Студия графического дизайна FOLD & SPINE

Рисунки на форзаце и нахзаце *Александры Мацель*

© ООО «ФОЛД ЭНД СПАЙН», обложка, 2026

© Мацель М., 2026

© ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Пролог

Петербург, декабрь 1794 года

– Отворяй живей, болван! – Генерал-майор Алексей Иванович Хрущов осадил коня у высоких дубовых ворот Петропавловской крепости. Несмотря на высланных им заранее двух вестовых предупредить коменданта о своем скором прибытии, при въезде все же возникла заминка. Начальник караула никак не ожидал обнаружить столь внушительный эскорт, этапировавший новоприбывшего узника.

– Сей момент, Ваше Высокоблагородие!

Заскрежетали массивные кованые петли, и генерал с облегчением увидел, как вереница экипажей тронулась с места и стала медленно вползать в бездонное чрево серой каменной цитадели. Долгое путешествие подошло к концу. Екатерина II так жаждала заключить этого пленника в казематы Петропавловской крепости, что отдала распоряжение целой двухтысячной армии сопровождать его на всем пути из Польши, опасаясь побега. Из соображений безопасности обходной маршрут растянувшегося на добрую версту конвоя проходил через Пулавы, Киев, Чернигов, Могилёв, Псков и Новгород. И только в окрестностях Петербурга генерал облегченно вздохнул и решился сократить охранение до сотни отборных рейтаров, оставив в придачу и с десяток старших офицеров из знатных дворян, следовавших за ним во время этого странного похода. Осознавая всю важность порученного императрицей дела, а также тешась надеждой получить высокую монаршую награду, Хрущов лично продолжил командовать арестантским конвоем до самых ворот крепости. Он вознамерился собственноручно поставить подпись в книге учета заключенных, куда и вписал вымышленное имя «дворянин Шиманский»: так было велено называть таинственного узника в целях дополнительной предосторожности.

Спустя каких-нибудь пару часов суета, поднятая вояками, улеглась, и крепость вновь вернулась к своему рутинному распорядку.

– Кажись, поехали. – Молодой караульный Прохор, недавно поступивший на службу, поднял высокий ворот тулупа, втягивая тонкую шею и пытаясь укрыться от начавшейся метели. – Я столько генералов в одном месте в жизни-то и не видал, господин вахмистр. Выходит, важную персону доставили?

– Молчи, дурень! Иль не усек, где служишь? – Вахмистр беззлобно оборвал лепет новобранца. – И не такие тут побывали. С мое послужишь, всяко нагладишься. – Он отвернул лицо от резкого порыва ветра. – Ишь, как вялица³ занялась.

– А энтому-то сам генерал на прощанье честь отдал! «Начальником» его величал. Что же за чин у нашего арестанта, раз у самого генерала в начальниках ходит? И не привстал даже. Только головой мотнул, что кобыла.

– Не привстал, потому как ранен он. Те двое казачков, что наперед прискакали, сказывали, будто они его дротиками пониже спины покололи. Стыдно сказать – седалище проткнули. А после еще какой-то драгун со злобы поверх добавил: саблей его по голове пелехнул. Видал, как рожа у него перекошена с одного боку? Так того драгуна самого под арест взяли, что бесчестно поступил.

– Как же бесчестно? – вылупил глаза Прохор. – Или энтого начальника не в бою взяли?

– Ну и дремучий ты человек, Прохор! Кто ж пленного саблей сечет? Такое только честь солдатскую марает. Да и какая к черту разница: в бою, не в бою? Господа генералы друг дружке кровь пускать не шибко любят. Только нашего брата гонят до живота биться. Сколько раз бывало, что мы с нехристями до самого что ни на есть остервенения рубимся, кишки по земле

³ Метель, вьюга (устар.).

мотаем, чуть не зубами глотки рвем. А случилось их басурманского военачальника сцапать, как думаешь, Прошка, что с ним случилось?

– На кол? Аль солдатикам на потеху ирода поганого? Палками забить!

– Эх, темнота ты сермяжная, – авторитетно подкрутив жесткие, прокуренные усы, усмехнулся вахмистр. – Наш генерал после в своем шатре с ним кофий, что старые приятели, сёрбали. Чуть не в засос лобызались. По-хранцузски парлякали и спины манерно гнули. Хотя с утра небось матюкали друг дружку и печенку один одному сожрать грозились. Было дело, мы цельный штаб у неприятеля заневолили – сплошь бароны да графья. Так у них к ночи после батальи с нашими штаб-офицерами чуть не до плясок дело дошло. Что для нашего брата – война, для них – так, бирюльки.

– А не брешешь, дядя Захар? – искренне изумился простодушный Прохор. – А вы что же?

– А мы что? Кровушкой умылись, и всего делов. Потому легко понять того драгуна, что осерчал на этого начальника и уж после, как тот в плен сдался, палашом его по черепушке приложил. Озлился паря. Накипело.

Глава I

Об этом человеке известно только, что он не сидел в тюрьме, но почему не сидел, неизвестно⁴.

1

Москва, сентябрь 1795 года

«Удар! Шаг назад! Удар! Защита! Опять за свое!» – недовольно подумал Стас.

– Коли! Не руби! – выкрикнул он уже вслух, легко уклонившись от просвистевшего рядом с головой клинка, и, мгновенно сблизившись с соперником, упер острие своей сабли тому в грудь. Не дожидаясь, пока он опустит оружие, Стас отступил на несколько шагов назад и снова встал в стойку, приглашая напарника продолжить поединок.

– Ловко! Опять твоя взяла. Дал бы ты мне саблю, Станислав! – Молодой человек вытер со лба пот. – Не могу я этим проклятым палашом⁵ фехтовать! Никак за тобой не поспеваю, хоть ты и хромаешь на одну ногу.

– Павел Гаврилович! Ваш батюшка меня взял, чтобы обучить вас, как в бою живым остаться, а не железками изящно бряцать. Вам в кавалерии служить, а от сабли в конной атаке проку мало. От палаша куда больше пользы, после пики и пистоля конечно. Который раз прошу вас: оставьте вы эту рубку мясникам в Охотном ряду. В атаке колоть следует! А лучше просто руку вперед выставить. Неприятель и так на нее напорется.

– А сам-то почему саблей фехтуешь? – Молодой князь Павел Гагарин, единственный сын московского сенатора и тайного советника Гаврилы Петровича Гагарина, убрал в ножны длинный кавалерийский палаш и с удовольствием потянул занемевшие руки. Он совсем недавно возвратился домой из Польши, где служил флигель-адъютантом при штабе русских войск, участвуя в подавлении восстания поляков под предводительством Тадеуша Костюшко. Командиры чересчур рьяно опекали ретивого семнадцатилетнего князя, не позволяя тому рисковать жизнью в настоящих сражениях. В Москве Павел Гагарин принял с завидным усердием готовиться к новому назначению, решительно вознамерившись на этот раз проявить себя в бою в полной мере. По-доброму обеспокоенный подобным рвением сына, старый князь нанял тому наставника по фехтованию. Вот уже несколько месяцев чуть не каждое утро Павел Гагарин упражнялся в искусстве владения холодным оружием с молодым, но уже умудренным опытом отставником Станиславом Волковым, покинувшим службу по причине ранения в ногу.

– Я и саблей могу, и палашом, – спокойно ответил Стас, опуская тяжелую венгерскую саблю – подарок брата, – которую он привез с собой из Минска. – В последнее время мне все больше в разъездах служить выпадало. В разведке иная задача: незамеченным остаться. Если до стычки дошло, считай, провалил миссию. Чаще приходилось избегать боя и уходить от противника. Ну а как неприятель на хвосте, с саблей всяко сподручней.

– А ранили тебя как? Тоже от боя уходил? Я спину врагу показывать не намерен.

– По глупости, Ваша Светлость. В одиночку на большой отряд турок кинулся. Вы про такое и не помышляйте. Добром не кончится. Кроме сабли надо еще и головой уметь работать. – Стас хотел было добавить, что та его необдуманная атака в итоге закончилась пленом и последовавшими затем тремя годами рабства на галерах, но вовремя спохватился. Этому князю Гагарину знать не нужно.

⁴ Марк Твен, американский писатель.

⁵ Палаш, в отличие от сабли, имеет прямой клинок.

– А в шок⁶ с неприятелем приходилось сшибаться?

– Приходилось. Пару раз.

– Всего-то?!

– Вы что же, Павел Гаврилович, думаете, что на войне только лоб в лоб сходятся? Куда чаще одна из сторон вбок отворачивает, не дойдя до сшибки. А то и обе.

– И ты отворачивал?

– И я отворачивал, – усмехнулся Стас. – Как командир прикажет. Когда в карьер⁷ на неприятеля летишь, задача в бою – смять его, опрокинуть, а не порубить в капусту. А на скаку при должной сноровке и без сабли врага задавить можно – и веника вполне хватит. Ну а как силы равны и доведется в сече завязнуть, больше от коня, чем от умения фехтовать жизнь зависит. Завидел просвет впереди – руку прямо и ломись туда что есть мочи. И не думай останавливаться. Добрый конь вывезет. А пока саблей будешь замахиваться, тебя трижды успеют палашом проткнуть.

Двери фехтовального зала отворились, и в проеме появилась молодая пышногрудая девушка с греческим профилем слегка полноватого лица.

– Доброе утро, княжна! – Стас поклонился в приветствии.

– *Bonjour, Mari!*⁸ – поздоровался с сестрой Павел.

– *Bonjour!* – Княжна лишь надменно кивнула брату, не удостоив Стаса вниманием, и тут же скрылась.

– Не жалует меня ваша сестрица, Павел Гаврилович.

Молодой князь рассмеялся, вспоминая, как его наставник на днях попытался сделать комплимент Марии. Вышло неловко. Слова Стаса про новый наряд девушки оказались до того неудачными, что Павел не удержался и расхохотался, на что сестра гневно вспыхнула, густо покраснев. Не сумев совладать с собой, Мария неожиданно выкрикнула «хам!» и тотчас удалилась, так и не удосужившись объяснить, кому из двоих она адресовала гневный возглас.

– Ты, Станислав, про войну все знаешь. А вот в делах амурных, сразу видно, неопытен. Как же! Не жалует! Да она с первого дня, как ты у нас в доме появился, раньше солнца поднимается. Это Мария-то! Самая соня из всех сестриц! Скорее уж ты ее не жалуешь. Она тебе потому проходу и не дает, что ты на нее никакого внимания не обращаешь. Не лежит твое сердце к ней. – Он глянул на смущенного Стаса. – Оно и хорошо. Не забывай, что сестрица – княжна! *En garde*⁹, Станислав! К бою!

⁶ Шок – встречная атака двух кавалерий на всем скаку.

⁷ Карьер – полевой галоп, самый быстрый аллюр у лошади.

⁸ Доброе утро, Мария! (*фр.*)

⁹ Защищайся (*фр.*).

2

В конторе Стаса ожидал сюрприз. Он еще в коридоре услышал командный голос Михаила Ивановича Репнина, распекавшего подвернувшегося под горячую руку подчиненного.

– А, Станіслав! Заходи, шляхтич! Ты-то мне и нужен.

Оба тепло поздоровались. Стас не видел Михаила Ивановича больше полугода. За это время в карьере Репнина произошли важные изменения. Еще в начале прошлого года, до того, как обер-секретарь Тайной экспедиции¹⁰ Шешковский отдал богу душу прямо в своем рабочем кабинете в Государевом бастионе Петропавловской крепости, Михаила Ивановича повысили до статского советника. Основанием послужило успешно проведенное им в Минске дознание по нападению на полковую кассу Курского полка. А спустя еще семь месяцев уже новый глава Тайной экспедиции Александр Семёнович Макаров, с которым Репнин водил давнюю дружбу, срочно затребовал советника к себе в Петербург, откуда тот и не вернулся. В скором времени за ним последовала и семья.

– Какими судьбами, Михайло Иванович? Надолго в Москву?

– Что, закис без меня? – Советник посмотрел на Стаса.

Стас пожал плечами. Он и на самом деле заскучал с отъездом Репнина. Зная, с какой легкостью Стас встречается в сомнительные истории, Михаил Иванович перед отъездом поручил тому устроиться в дом к Гагариным, отложив в сторону все прочие занятия. «Пока с тебя и этого довольно, – сказал он на прощание. – Старый князь будет знать, что ты к нему не так просто приставлен, а от Тайной экспедиции. Оговорили его. Граф Ростопчин, этот шут, сумасшедший Федька, через престолонаследника императрице наклеветничал, что князь Гаврила Гагарин, мол, развратный кутила, опутанный долгами и потерявший всякую репутацию. Государыня к словам сына своего мало веры имеет. Однако ж должностью Гагарин немало в Москве наделен. Потому под нашим надзором немного и побудет. Мы с Гаврилой Петровичем давние приятели. Еще с той поры, как он служил обер-прокурором шестого департамента Сената. И ему спокойней будет. С него еще станется. Будет уверен, что я на него дурного не напишу, а иной раз дважды подумает, когда подурить решит».

Вот уже два с лишним года, как Стас жил в Москве. По приезде из Минска Репнин сразу же устроил его в Тайную экспедицию, определив в мелкий ранг титулярного советника. Несмотря на ключевую роль, которую сыграл Стас в минском расследовании, он все еще состоял на временной службе. Причиной тому послужило его шляхетское¹¹ происхождение, которое на фоне польского восстания Костюшко поставило Стаса в разряд неблагонадежных. «Доверие, шляхтич, заслужить надо. Я-то тебя как облупленного знаю, а вот Макаров и обер-прокурор Самойлов к тебе покамест приглядеться желают. Все ж таки поляк ты, хоть и из литвинов¹². Да и опыта в дознании у тебя маловато. Подумаешь, один раз убийцу вычислил. Повезти могло. Саблей ты горазд махать, только этого недостаточно. Начнешь с азов, с малого. Пару годиков пооботрешься, пообтешешься. К жизни московской привыкнешь. Изучишь досконально, как дознание вести следует. А как справишься, настоящее дело подыщем!»

После долгих раздумий Репнин решил, что для всех остальных Стас будет провинциальным русским дворянином Станисла́вом Волковым. Так будет легче и жизнь на первых порах обустроить, и стать незаметным, затеряться в, казалось бы, огромном городе, где, однако, все про всех всё знают. Советник самолично состряпал ему правдоподобную легенду, чтобы «не

¹⁰ *Тайная экспедиция* – орган политического сыска в России, созданный Екатериной II.

¹¹ *Шляхта* – польское дворянство.

¹² *Литвины* – часть населения Речи Посполитой, жители территории современной Беларуси. Речь Посполитая была образована слиянием двух независимых государств: Королевства Польского и Великого Княжества Литовского. Литвой раньше называлась именно Республика Беларусь, а современное литовское государство именовалось Жемойтией.

дай бог, не оплошать при случае». Как оказалось, польза от такого перевоплощения получилась немалая. Стас настолько вжился в новый образ бездельника-дворянина, вышедшего в отставку с небольшой пенсией по причине ранения в ногу, что с легкостью добывал весьма нужные сведения для Тайной экспедиции. Помощь его в раскрытии ряда важных государевых и весьма тайных дел сам Репнин считал неоценимой.

– Закис, Михайло Иванович, – согласился Стас. – А ты чего такой злой с самого утра?

– Послушай, Станислав. – Репнин кинул на него недовольный взгляд. – Я вот поутру письмо от жены получил. За дочь она переживает. Пишет, что в Смольном институте на нашу Лизку наставница жалуется. На прошлой неделе она весьма вольготно изволила о Сенате высказаться. Лягнула, что, по ее, дурухи, разумению, головы даже самых великих людей тупеют, когда они собираются вместе, и что там, где больше всего мудрецов, меньше всего мудрости. Не догадываешься, сукин ты сын, от кого она этой ереси набралась?

– От Софии, что ли? – Стас рассмеялся. Он легко мог представить себе, как быстро его «названная сестра» могла любого преподавателя довести до истерики бунтарским духом.

– От кого же еще? Смотри, Станислав! Если ты со своей Сонькой сам справишься не в силах, то я ее быстро урезоню! Ты что же думаешь, легко было ее в Смольный без приличной родословной устроить? Да еще вместе с Лизой! Надо же, сам на свою голову беду накликать. Вот и помогай после такого вам, полякам. Хлебом вас не корми – дай побузотерить.

– Так это она не своим умом дошла, а всего-то Монтескье¹³ пересказала. А он у самой императрицы в большом почете. Да и наследник, говорят, им увлекается.

– Ты дурачком-то не прикидывайся, шляхтич! Мне до всей твоей философии дела нет никакого. Баба же она! На кой черт ей все это? Ей замуж надо, хорошую партию найти. А девка подобными разговорами всех женихов отвадит. Здесь тебе не Европа! Неужто не понял за все время?

– Как же я на Софию повлиять могу? Я в Москве, а она в Петербурге. Да и выпускают ее нечасто. Не институт, а казарма.

– Об том и говорим. Скоро повидашь свою «сестрицу». Забираю тебя в Петербург. К большому делу пристрою. Пришло время до поры забыть про дурачка Волкова и воскреснуть знатному польскому шляхтичу Станиславу Булату. Чего молчишь?

– Слушаю, Михайло Иванович!

– Это хорошо, братец, что слушаешь. Все, что далее скажу, для чужих ушей не предназначено. Как и всегда, впрочем. Но тут случай штучный. Зимой прошлого года особого узника в Петропавловскую крепость доставили. Держат его тайно, под другим именем. Беседовать он ни с кем не желает, только письмами с генерал-прокурором Самойловым обменивается. Правда, от такой «любовной» переписки толку мало. Дознание с июля не ведется. Исчерпал наш прокурор свой словесный арсенал, а к императрице идти с этими бумажками, так она быстро кого другого на его место поставит. Принуждать силой этого чертова поляка нельзя. Непростая фигура. Вот и напомнил я обер-секретарю, что у нас в экспедиции свой собственный поляк служит. По твою душу он меня и послал. Понимаешь?

– Понимаю, пан советник. О шляхтиче Шиманском речь?

– Я погляжу, ты не зря два года в Москве штаны протирал. Что еще о нем знаешь?

– Особо ничего. Что и все.

– Это что же?

– Михайло Иванович, пол-Москвы и вся столица знают, что в крепости еще с той зимы сам польский генералиссимус Тадеуш Костюшко заключен. «Наш начальник», как его сами поляки называют. Вроде как ранен он сильно. Пожалуй, все.

¹³ Монтескье – французский философ.

– Не знают! – разозлился Репнин. – А догадываются! А это две большие разницы. Про самого Костюшку что слышал?

– Говорят, он талантливый военачальник. Армейский инженер. Воевал в чине бригад-генерала в Североамериканских колониях в их войне за независимость от британцев. Хорошо воевал. После в Европу вернулся. Поднял поляков на восстание в Кракове. Потом уже и остальная Польша к нему примкнула. Пользуется настоящей любовью в народе. Немудрено, что такой человек и возглавил борьбу Речи Посполитой за свободу...

– Ты сдурел, шляхтич? Ты что несешь? Какая борьба за свободу? Это бунт! Мятеж против государства Российского! Еще раз про такое скажешь, мигом в подземелье окажешься. И меня за тобой утянут. Вырастил себе помощника.

– Сам же, Михайло Иванович, учил меня всякую вещь своим именем называть. Как иначе противостоять сопернику, если себя в мотивах его действий обманывать?

– Учил. Помню. Так два слова сказал бы, и доволен. А ты разошелся, чуть не оду этому поляку спел. Только я тебя, шляхтич, и другому учил: в корень проблем зреть. Видеть за внешним глубинные причины, истинные. А ты затаил песенку про свободу, как будто тебе пятнадцать годков и папенька на бал не пускает. Что ж тогда про французов и словом не обмолвился? Эти лягушатники поганые так просто, что ли, в сторонке топчутся? По-твоему выходит, что Костюшко сам по себе без их поддержки мятеж поднял? Это тебе, Станислав, не разбойника на пику насадить. Тут партия посложнее будет. Вся политика в Европе только с одной целью делается: Россию ослабить. Этому я разве не учил тебя? В общем, собирайся в дорогу. Я завтра укачу. А за тобой из Петербурга экипаж выехал. Со дня на день прибудет. Часть архива в столицу переправим. Сопровождать тебя будет наш экспедитор оттуда. Может, помнишь, тот молокосос, что у генерала Мелиссино про минского разбойника сведения выудил. Малый толковый, правда, слегка туповат и чересчур прямолинеен. Привыкай к нему. Он к тебе в Петербурге приставлен будет, чтобы ты один не набедокурил: от тебя еще польским духом за версту разит.

– А что с Костюшкой станется?

– Повесим мерзавца. Чтобы остальным бунтовать неповадно было.

– За что же его вешать? Он ведь на польских землях восстание поднял. К нему законы российские никак не применить.

– Опять ты за свое, сукин сын! Хотя... Ты мне с таким настроем и нужен. Я так и думал, что ты своего поляка выгораживать начнешь. В том ты большой мастер, как я помню. Иначе этот Костюшко с тобой говорить не станет. А вот государыня его разговорить перед казнью желает. Устала она, Станислав, от вашего шляхетского балагана. Пора уж России в польском вопросе жирную точку поставить.

3

«Ну, где ж его носит-то?» – недовольно подумал Стас, внимательно и по возможности незаметно разглядывая странную парочку проезжих, устроившихся в дальнем углу постоянного двора на Большой Московской дороге, где они условились встретиться с Иваном Щегловым – так звали нового экспедитора. Тот оказался довольно исполнительным сотрудником, весьма простодушным и недалеким, как ранее и отрекомендовал его Репнин. Правда, Щеглов имел неприятное обыкновение опаздывать, причем самое малое на полчаса. Запланировав узнать будущего напарника поближе во время предстоящего им долгого пути в Петербург, Стас оставил того в московской конторе самостоятельно заниматься сортировкой архива, часть которого предназначалась для перевозки в Петропавловскую крепость. Сам же он решил завершить все свои дела в Белокаменной. Имуществом он сильно не оброс, снимая меблированные комнаты в чистом, недорогом, но довольно уютном доходном доме неподалеку от места, где проживал Репнин, но все же от лишнего хлама избавиться следовало.

Стас с улыбкой вспомнил, как на первых порах советник приютил их с Софией в своем московском доме. София сразу же полюбилась супруге Михаила Ивановича и его двум дочерям, одна из которых оказалась с ней одногодкой. Шляхтич был признателен Репнину, что тот без проволочек смог устроить Софию в первый в России открытый при покровительстве императрицы Смольный институт в Петербурге для девиц из знатных дворянских семей. Хотя расставание с Сонечкой, к которой душой прикипело не только все семейство Репниных, включая советника, но и сам Стас, далось тяжело.

Первое время, оставшись в одиночестве и не успев еще окунуться в заботы, которые принесли с собой его новые обязанности в Тайной экспедиции, Стас с удовольствием бродил по Москве, изучая город и его жителей. Он с ходу влился в нехитрый городской быт. Ему нравилась утренняя суeta торговых рядов. Стас радовался как музыке голосов бойких московских торгов, так и чинному приветствию немца Стефана Мюллера – хозяина неприметной пекарни, затерявшейся в конце крохотной московской улочки, где он покупал ароматную свежую выпечку. «А-а-а! Херр Фолкофф! Гутен таг! – снимал шляпу немец тонкой рукой, на которой отсутствовала фаланга мизинца. – Тесто телай, палес капут!» – вроде как извинительно сообщал он шляхтичу.

Стараясь полностью соответствовать образу новоявленного дворянина Волкова, Стас обзавелся и новым гардеробом, простым и удобным. «На деревенского простофилю, братец, ты не больно-то и смахиваешь, – заключил советник, впервые увидев его в непривычном облике провинциального простака. – Слишком уж статен и хорош собой. Ну да ничего. Тоже может быть. Особенно для дамских сердец сгодится. Чего так смутился? Дамы тайн поболее нашего знают. А это что? – Советник ткнул в тяжелую саблю, которую Стас принялся крепить к поясу. – Ты что, шляхтич! Железку свою дома оставь. По городу с этой дурой просто так не разгуливай. И вообще запомни, Станислав: неприметным надо быть, в глаза не бросаться. В этом вся хитрость в нашей работе. Ты не смотри, что мы иной раз на арест в вороной карете выезжаем и конвойные обряжены, словно пугала. Это редкость и больше для форсу. Время от времени напомнить о себе не помешает. Ты в название вдумайся! Тайная экспедиция! А какая в том тайна, когда каждая собака тебя за версту узнает? Только мне да обер-секретарю всех наших сотрудников знать дозволительно». Вот и отказался Стас от своей любимой сабли, оставив при себе лишь небольшой терцероль¹⁴, доставшийся ему после минских событий.

Потому и удивился Стас, заметив экипаж, по всем признакам имевший принадлежность к делу тайного сыска, да еще эту странную парочку, явно не скрывавшую свою связь с Тайной

¹⁴ Терцероль – небольшой карманный (дамский) пистолет.

экспедицией. Хотя он уже давно понял, что у всякого крупного чина в России своя подобная служба имелась. Часто эти ухари, подобно польским гайдукам¹⁵, чувствуя силу и власть, безнаказанно шалили на городских улицах, поскольку ввязываться с ними в драку горожане не осмеливались. Однако походить на Тайную экспедицию даже эти лихачи опасались, поскольку на то был строжайший негласный запрет самой Екатерины II с далеко идущими последствиями, а именно тяжкой карой за ослушание не только для них самих, но и их хозяев. Поначалу Стас подумал, что это Щеглов прикатил за ним на постоялый двор на столь приметной повозке. Он отругал про себя помощника за глупость, за то, что тот не удосужился приехать в Москву с обычным экипажем. А вот увидав этих двоих, выходящих из кареты, понял, что это вовсе не Щеглов.

Работа изменила привычки Стаса. Он стал общительным, доброжелательным, легко находил язык с простым людом, среди которого и предпочитал вращаться, охотно проводя время в торговых рядах, трактирах и просто на улице. От выхода в свет советник его удерживал, полагая, что пока рановато. Стас научился понимать людей, предсказывать их поведение, чувствовать их часто скрытые мотивы. За все время ему ни разу не довелось извлечь из-за пазухи пистолет, хотя Москва недаром носила репутацию лихого города. Он умел избегать конфликтов еще до того, как они успевали зародиться в хмельных головах самых разудалых гуляк.

А вот с этими двумя точно по-доброму не выйдет. Особенно беспокоил Стаса старший – среднего роста, стройный, лет сорока, со светлыми короткими волосами и каким-то стеклянным взглядом, от которого Стас невольно поежился. Это был взгляд человека, равнодушного ко всему, даже к убийству. Стас про себя распекал сильно запаздывавшего Щеглова. Дальнейшее нахождение в кабаке не сулило ничего хорошего. Хмельной подельник светловолосого уже несколько раз обвел пустое помещение мутным взглядом, явно выискивая, за что зацепиться. Глаза его то и дело останавливались на одинокой фигуре Стаса – единственного посетителя в столь ранний час.

Стас глянул в окно и с облегчением увидел, как на двор вкатил экипаж, в дверце которого маячила худощавая фигура Щеглова. Он встал из-за стола и быстрым шагом направился в сторону выхода. Однако подельник светловолосого оказался проворнее, чем Стас того ожидал. Он также поднялся и направился навстречу шляхтичу по узкому проходу между столами, где двоим разминуться было невозможно. Стас уловил едва заметное движение его рук, начало угрожающего разворота массивных плеч, но и его собственная реакция последовала незамедлительно. Он не успел сообразить, как у него в руке оказался пистолет, ствол которого он упер в низкий скошенный лоб незнакомца. Тот замер и от удивления только тяжело засопел.

Здесь уже Стас начал действовать осмысленно. Не давая сопернику прийти в себя, он наотмашь, резким ударом рукоятью пистолета в скулу отправил того на пол. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как дребезжали тарелки в трясущихся руках хозяина кабака. Стас тут же навел дуло на светловолосого, взводя курки от обоих стволов. Тот никак не отреагировал, продолжая безучастно ковыряться в тарелке, лишь бросил безразличный взгляд сначала на Стаса, а после на своего напарника. Держа его под прицелом, Стас быстро вышел на улицу. На крыльце он едва увернулся от налетевшего на него Щеглова и, не вслушиваясь в его сбивчивое лопотание, коротко приказал:

– Едем!

На ходу отвязывая коня, он быстро прикрепил удила к повозке и запрыгнул внутрь.

– Почему? – пробормотал Стас спустя некоторое время напряженного молчания.

– Что почему? – с легким испугом спросил сидящий напротив Щеглов, который подумал, что это его опоздание так рассердило шляхтича.

¹⁵ Гайдуки – слуги и личная охрана знати в Польше.

«Почему он никак не отреагировал?» – подумал Стас про себя, а вслух лишь бросил помощнику:

– Так, ничего!

Происшествие скоро забылось в предвкушении встречи с Петербургом. В столице Российской империи Стасу еще бывать не доводилось.

4

Петербург, октябрь 1795 года

– С ним еще пятерых прислали. Тоже ляхи. А может, и жиды? Кто их знает? Фамилии больно заковыристые. А тебя, ваше благородие, как величать? Мне для порядку надобно! – Сказав это, старый вахмистр даже слегка приосанился и подтянулся.

– Станиславом, отец. Станислав Булат.

– Сурьезная фамилия. Токмо вы, господин Булат, не при мундире, и чина я вашего не знаю, потому благородием величаю.

– Благородие, отец, в самый раз сгодится, – усмехнулся Стас.

Не зная, как приступить к беседе с Тадеушем Костюшко, Стас решил пообщаться с вахмистром караульной службы в Петропавловской крепости, где содержали узника. До этого он подробно ознакомился со всеми бумагами, что были в деле, включая копии писем генерал-прокурору. Однако ничего такого, что помогло бы ему найти зацепку для начала разговора, он не обнаружил.

Да и окончательного мнения о характере Костюшко сформировать не удалось. Все было чересчур картинно, невероятно, что ли. И слишком противоречиво. Одно только его путешествие в Североамериканские колонии чего стоило. И не просто путешествие! Он там до бригад-генерала дослужился, благодарность Конгресса получил. Считаю, национальный герой. А вернулся зачем? Вместе с тем все было и слишком обыденно для своего времени: детство, юность, учеба, служба, война и плен. Все как у самого Стаса. Эх, жалко, Анжея нет рядом! Анжей как-то упомянул, что учился в кадетском корпусе в Варшаве. Это же учебное заведение, правда названное в деле «рыцарской школой», оканчивал и Костюшко. Судя по возрасту, Анжей и Костюшко могли быть знакомы, а может, даже и дружили.

– Только с теми остальными он не видится почти, – продолжал вахмистр. – Их отдельно в казематах держат, а этого сразу по прибытии в дом коменданта определили. Сказывали, сама матушка Екатерина про то распорядилась. Сильно израненным нам его доставили. Он очунал¹⁶ малек да так и остался при коменданте. Охраны при нем тьма, так что никуда не сбежит. Да отсюда еще никто не сбежал. Правда, встречались они все вместе, да сильно поругались. О чем – не скажу. Я по-польски ни бельмеса не понимаю. Одно время ходили слухи, что заберут его от нас в каменный дом, что на Почтовой набережной, который государыня Гришке Орлову отгрохала. Только это вряд ли! Как его там стеречь-то? Да и на что ему в город? Газеты для него в крепость чуть не каждый день доставляют. Гуляй здесь от пуза, сколько влезет, да и брашна¹⁷ вдоволь. Повар, опять же, свой и два слуги в придачу. Машинку ему хитрую давеча доставили. Он на ней разные там безделушки точит. Вот, ваше благородие, полюбуйте! – Вахмистр извлек из кармана небольшую, изящно выполненную деревянную табакерку. – Это он сам смастерил и мне отдал. Презент тебе, говорит, Захар, – меня Захаром кличут – за честную службу и доброе ко мне отношение. А я особо ничего и не делал. Так, раз только помог ему с земли подняться, когда он с клюкой своей наворачнулся мордой в грязь.

– Вот тебе и от меня, Захар. – Стас подал вахмистру медную монету. – Купи турецкого табака для своей табакерки.

– Благодарствую, ваше благородие.

– Ты, Захар, здесь постой. Пойду я с твоим арестантом побеседую.

Неуверенно приближаясь к Костюшко, Стас все никак не мог решить, с чего начать разговор. Как примет этот легендарный «начальник» своего бывшего соотечественника? Стас снова

¹⁶ Очувствоваться, прийти в себя (обл.).

¹⁷ Еды (устар.).

оказался между двух огней. С одной стороны, он легко мог понять причины, побудившие поляков к восстанию против разрезавших ее на части России, Австрии и Пруссии. Шляхта никак не желала довольствоваться отведенными ей небольшими клочками земли вокруг Варшавы и Кракова. Настроения даже среди простых поляков после второго раздела Речи Посполитой, случившегося как раз в то время, когда Стас искал в Минске убийцу посланника гетмана, были тревожными¹⁸. Стоило лишь высечь искру, и в польском обществе сразу бы гроыхнул взрыв.

Так в итоге и произошло, когда подконтрольный России Гродненский сейм принял решение сократить численность польской армии до пятнадцати тысяч солдат. Это и послужило поводом к началу мятежа, когда бригадир Мадалинский просто отказался распускать свою конную бригаду. Россия и Пруссия были тогда заняты собственными внутренними неурядицами. Австрия оказалась всерьез втянута в борьбу с революционной Францией. Англия же, по обыкновению, только подлила масла в огонь, пообещав полякам поддержку. Британской империи любой пожар в Европе только на руку, особенно после утраты ею контроля над американскими колониями. Восстание быстро захватило всю территорию Польши и перекинулось на уже завоеванные Пруссией и Россией земли. Военный гений Костюшко, который с некоторым опозданием присоединился к мятежникам, но в итоге возглавил их, позволил одержать тем ряд крупных побед. Поляки всерьез начали верить, что им удастся восстановить границы 1772 года¹⁹ и вернуть себе Конституцию²⁰.

С другой стороны, Стас хорошо помнил глубоко запавшие ему в душу еще в Минске слова Анжея Шота – варшавского урядника, волею судеб оказавшегося там, когда в город вступила русская армия, и помогавшего ему в проведении дознания. Долгие, бессонные ночи, проведенные в подzemелье Минской ратуши, сблизили их, и Анжей поведал Стасу историю своей жизни. Более двадцати лет назад ему не раз приходилось скрещивать сабли с русскими казаками накануне первого раздела Речи Посполитой. После его полк был переброшен под Ченстохову, где и закончилась военная карьера Анжея. Тяжело раненный в грудь при осаде, Анжей почти год провел в госпитале. Поправившись, он поступил на службу к Варшавскому воеводе судебным урядником.

Для Анжея это были годы разочарований, ведь раньше он искренне верил в былую мощь Речи Посполитой и готов был проливать кровь за шляхетские вольности. Сам будучи нищим безземельным шляхтичем, он примкнул к противникам короля – конфедератам, надеясь обернуть вспять ход истории и ратными заслугами обрести славу и богатство, а впоследствии купить землю и имение, удачно жениться и стать, наконец, полноправным представителем польской элиты – богатой и родовитой шляхты. Только его идеалы были преданы, и не кем-нибудь, а теми самыми магнатами, в ряды которых он так жаждал влиться. Анжей каждый день наблюдал, как продажная шляхта, занятая только личными интересами, грызлась за власть и привилегии, мало заботясь об истощенном и умирающем отечестве. Как же быстро эти гонористые горлопаны присягнули на верность внешним захватчикам, позабыв о высоких идеалах, которыми так бахвалились на своих сеймиках²¹.

К несчастью, на долю Анжея выпала незавидная участь стать свидетелем развала и упадка своей родины. Речь Посполитая во главе с безумцами из собственной знати с отчаянной лихостью неслась к пропасти, оставляя современникам лишь возможность наблюдать и дожидаться, когда она наконец на всем скаку рухнет в бездну. Это была уже предсмертная агония казавше-

¹⁸ Второй раздел Речи Посполитой между Пруссией и Россией произошел в 1793 году. К России в том числе отошла и территория современной Минской области вместе с Минском.

¹⁹ В 1772 году произошел первый раздел Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией.

²⁰ Принятие поляками в 1791 году новой Конституции предшествовало новой войне с Россией, в результате поражения в которой Польша была разделена во второй раз.

²¹ Местные законодательные органы власти в Речи Посполитой.

гося ранее незыблемым государства. «Нема в поляках духа единого, – вздыхал урядник. – А без духа толку не бэндзе²². Сами виноваты. При чем тут Россия?»

Многие из поляков уже не единожды успели сменить сторону, то поддерживая короля, то выступая на стороне оппозиции. Нация раскололась на две половины. Одни приняли протекторат России, видя в нем не только залог мирной жизни, но и историческую справедливость в воссоединении исконно русских земель. Другие же оказывали вооруженное сопротивление, помня про величие старой доброй Польши и при этом не забывая о своих шкурных интересах; причем неизвестно, что для них по итогу было важнее. При таком внутреннем раздоре мало кто уже сомневался в грядущем очередном переделе польских земель. Это было лишь вопросом времени, да и то недолгого – может, года, от силы двух.

Загадка заключалась только в том, кто на этот раз отхватит себе кусок пожирнее. Решение главного вопроса – останется ли польское государство на политической карте Европы или исчезнет навсегда – находилось во власти в первую очередь Екатерины II. Пока что только ее сдержанность и рассудительность стояли на пути у Австрии и Пруссии, мешая им окончательно поглотить польские территории. Что было на уме у русской императрицы, не знал никто. Однако прав был Репнин, заявив, что и она уже устала от этих нескончаемых забот и намеревалась в скором будущем поставить жирную точку в польском вопросе.

Стас двинулся навстречу сутулому незнакомцу, медленно бредущему вдоль гравийной дорожки. Каждый шаг давался пленнику с трудом, и он постоянно опирался на вытертый до блеска за время заточения деревянный костыль: очевидно, сказывалось ранение, полученное им при пленении. Тадеуш Костюшко напоминал дряхлого старика, хотя ему еще не было и пятидесяти. Бросив на Стаса потухший взгляд, Костюшко проследовал дальше. Стас смутился, подыскивая слова для начала беседы. Однако за него это сделал сам узник. Костюшко обернулся и произнес:

– Не трудитесь, молодой человек! Я уже давно заметил, как вы обхаживали моего цербера. Я вовсе не нуждаюсь в собеседнике.

– Пшепрашам²³, – только и смог выдать растерявшийся Стас, даже не успев поздороваться. Он уже развернулся, чтобы удалиться, не зная, что сказать рассчитывавшему на него Репнину.

– Постойте! Вы поляк?

Этим вопросом Костюшко и вовсе поставил его в тупик.

– Сам не знаю, – честно ответил Стас после короткого замешательства.

– Как же вы дознание собрались проводить, коли на такой простой вопрос ответить не можете? – внезапно рассмеялся Костюшко. – Я уже заинтригован. Кто же вы? И что вам угодно?

– Мне поручено выяснить у вас ряд вопросов.

– Глупости. Все события я до мельчайших деталей изложил вашему прокурору Самойлову.

– Это верно, пан Тадеуш. Однако там нет ни слова про ваши мотивы. Императрица желает знать о них.

При этих словах Костюшко залился смехом.

– Забавно, – произнес он, успокоившись. – Великая Екатерина не может спокойно уснуть, не понимая мотивов человека, которого она в скором времени отправит на виселицу. Вполне логичное желание. Однако, молодой человек, вам уже дважды удалось повеселить меня всего за пару минут, чего не случалось, пожалуй, больше года.

– Возможно, просто некому было вас развлечь?

– Как вас зовут?

²² Не будет (*польск.*).

²³ Прошу прощения (*польск.*).

– Станислав Булат.

– Значит, все-таки поляк. Нет, имя ваше мне ни о чем не говорит, – заметил Костюшко, закончив что-то перебирать в памяти. – Так вот, пан Станислав, вы-то сами знаете мотивы своих поступков? К слову, каков ваш мотив появления здесь?

– Нет, не знаю. – Стас снова оказался в замешательстве. – Я просто служу.

– Кому?

– России.

– Интересно. Я тоже просто служу. Иногда нами движет Бог, а иногда дьявол. Но никто из нас не может противостоять этому. Мы все просто служим. Не существует никаких иных мотивов, молодой человек! Поздравляю вас! Вы прекрасно справились с поручением и теперь с чистой совестью можете передать мои слова генерал-прокурору или кому-либо еще. Уж не знаю, у кого вы там служите. А что же до вашего замечания касательно того, что меня некому было развлекать... Думаю, Захар успел вам рассказать, что я не горю желанием видеть даже своих бывших соратников, которые также заключены в крепости. Знаете, почему?

– Могу только догадываться.

– Ну же, сделайте милость, попытайтесь.

– Предположу, что вы им не интересны ни как человек, ни как военачальник. Им глубоко безразличны ваши боли как физические, так и душевные. Они озабочены только собой.

Тадеуш Костюшко замолчал и надолго впился взглядом в Стаса. Теперь и у последнего была возможность в деталях рассмотреть легендарного польского «начальника», который вовсе не походил на изображение с гравюры, хранившейся в деле.

– Вам знаком плен? – наконец поинтересовался он у Стаса.

– Да, мне пришлось провести три года на галерах у турок.

– Пожалуй, пан Станислав, я приглашу вас в дом, чтобы угостить чашечкой кофе. Расскажите мне про вашу жизнь. А после – пше проше²⁴ – задавайте свои вопросы.

²⁴ Извольте, пожалуйста (*польск.*).

5

Осень для Стаса пролетела, словно один миг. Каждое утро он встречал Костюшко у выхода из дома коменданта. После они по несколько часов гуляли по территории крепости. Несмотря на холодную и снежную зиму, какая выпала в том году, Костюшко ни разу не отказался от установленного распорядка. Он воспрял духом и быстро шел на поправку.

– Вам известно, пан Станислав, что в кадетском корпусе я получил прозвище «швед»? – как-то ответил Костюшко на предложение Стаса остаться в тепле дома. – И знаете почему? Я ежедневно вставал до пяти утра и начинал заниматься с упорством, какое было свойственно Карлу XII. Так что не ленитесь. Мы идем гулять.

После они возвращались в дом, где уже был сервирован легкий обед. Закончив с трапезой, пленник удалялся, чтобы заняться личными делами. Как правило, большую часть свободного времени он проводил за токарным станком. А вот Стас перебирался в соседнее крыло дома, где ему выделили одну комнату среди множества, отданных под нужды Тайной экспедиции. До позднего вечера он перекладывал на бумагу свои беседы с паном Тадеушем, как он стал того называть. Так вышло, что они по очереди делились друг с другом историями своих жизней, которые вызвали обоюдный живой интерес.

Часто эту странную парочку, которая уже всем в крепости успела примелькаться, сопровождал караульный вахмистр Захар, проникшийся к себе самому большим уважением, поскольку ему доверили столь ответственную задачу. Иногда с ним за компанию следовал и молоденький Прохор. «Ох и спелись эти двое, господин вахмистр, – время от времени повторял Прохор. – Как бы до беды не дошло. И с чего бы им так сойтись? Болтают и болтают, не пойми о чем. Может, тикануть хотят?» – «Дурак ты, Прошка! – угрюмо отвечал Захар, потягивая ароматный турецкий табак. – Неудольные они оба. Вот и спелись. Мне это дело знакомо. А такого, как его благородие, еще поискать надо. Сколь белый свет ни копыть, может, одного-двух таких встретишь. Сам иной раз не пойму, как его к нам в Тайный приказ занесло».

Станислав был поражен масштабом личности своего нового друга. Однако ни яркие жизненные события, ни захватывающие победы над британцами, одержанные пленником на другом краю света, ни инженерный гений Костюшко не волновали его. Стасу, до глубины души ненавидевшему рабство и презиравшему любую кабалу, не давало покоя отношение пленника к свободе. С одной стороны, Костюшко принимал каждого человека за уникальное творение божье: будь то бедный польский крестьянин-косинер, поверивший пану Тадеушу, взявший в руки единственное имевшееся у него оружие – простую косу – и бесстрашно шедший с нею в бой против отборных воинских формирований австрийской, прусской или русской армии; или же давно утративший связь с родной Африкой и рожденный в неволе американский негр, гнувший спину под кнутом хлопкового плантатора где-нибудь в Южной Каролине. С другой стороны, порой рассуждения Костюшко о свободе были настолько циничны, что Стас просто отказывался его понимать.

На вопрос Стаса, осознавал ли Костюшко на заре восстания, когда поднимал горожан на мятеж еще в Кракове, что оно неизбежно обречено на поражение, пленник спокойно ответил:

– Конечно, Станислав. Я же военный. Инженер. И легко мог просчитать, какое превосходство в силе требуется для победы. Не говоря уже об отсутствии союзников, войне на три фронта, неискоренимых внутренних противоречиях, а вернее, предательстве среди польской шляхты и еще много о чем.

– К чему тогда было все это?

– Станислав, вам приходилось когда-либо держать данное слово вопреки здравому смыслу?

– Случалось. На войне подобное не редкость.

– Ха-ха. На войне куда чаще встречается обратное. Большинство людей дают обещания по соображениям и исполняют по обстоятельствам. Что, в общем-то, правильно, потому как рационально. До определенного момента. Внутри каждого существует черта, переступить которую он не в состоянии. Вот и я расценил нарушение взятого мною обязательства хуже смерти.

– Но ведь магнаты предали вас!

– При чем здесь шляхта? Я никогда всерьез не рассчитывал на них. Я дал слово простым людям, Станислав. Дорогой друг, вы когда-нибудь давали обещание сразу тысяче людей? А пяти тысячам? А целой нации? И при этом чтобы они смотрели на вас как на своего спасителя, ловили каждое ваше слово, каждый вздох. И мне было очевидно, что едва половина из них останется в живых. Остальные погибнут в боях.

– Их ждало неминуемое поражение!

– Да. Потому я и пошел с ними до конца, не считаясь с собственной жизнью. Однако позвольте, Станислав! Вы же сами понеслись сломя голову на сотню турок, чтобы вызволить какого-то русского пехотинца, притом совершенно вам незнакомого. Это было намного безумнее, чем наше восстание. И вы, и я поступили как должно, как продиктовали нам наши сердца. Помните нашу первую встречу и ваш вопрос о моих мотивах? Сейчас я повторю вам то же самое. У меня нет мотивов. Мною руководит высшая сила. Как, впрочем, и вами, и всеми остальными людьми на земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.